

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (А.И. Соловьев):

Александр Иванович, я хотел бы узнать, насколько уточняется приведенная Вами классификация форм мышления функционально-ролевой природой носителей этого мышления?

Ответ:

На мой взгляд, имеет место выраженная тенденция, правда, в обрамлении некоторого противоречия. Человек и его мышление — развивающаяся система, последовательно проходящая сквозь шлюзы фазовых переходов, преодолевающая ограничения, наложенные на него, скажем так, природой. Функционально-ролевые или, иначе говоря, социальные атрибуты человека и человечества являются формой, если так можно выразиться, «горизонтального» освоения открывшихся пространств. Кроме того, социальность исполняет также охранительные задачи, предохраняя людей от инверсии, уплощения социализируемой формы мышления, от хаотизации и инволюции. Наконец, социально-ролевые функции выполняют также некую поисковую задачу, отыскивая в амбивалентной новизне нить Ариадны, способную привести к очередной трансценденции — фазовому переходу, ведущему к повышению градуса свободы и усложнению системы. Сильно упрощая ситуацию, можно сказать, что специфика человека — антиэнтропийная его природа, производящая все более сложные формы, преодолевая при этом вероятность низвержения в энтропийное безумие, которым чреват транзит («хаотизация организации»). Имея, впрочем, в виду то самое, «полицейское» предназначение социальности, ибо функционально-ролевая природа общества отдает предпочтение все же охранительным, аутопоэтическим механизмам, предлагая самому субъекту новой породы доказывать свое превосходство в столкновении с

«заскоружными стереотипами» или быть отданным на съедение львам.

Другими словами, ролевые функции оказываются производными от типа мышления, но это не есть завершение человеческой драмы, скорее, имеет место синкретичная ситуация. Действительно, на каком-то этапе это была предельная ситуация выживания, великая травма, последствия которой и сегодня таятся в глубинах человеческой психики.

Если же эскизно расширить рамку и так возможно избыточно широкой панорамы сегодняшнего дискурса, то следует упомянуть о том, что мы имеем дело с поколением, сделавшим онтологический выбор в направлении жизни. И если мы взглянем, хотя бы мельком, на некий андеграунд человеческой истории, то, наверное, увидим там истоки рефлекторного мышления как разума, опаленного некой ценностной ориентацией, сутью которой, возможно, было отличавшая человека от животного (разве за исключением леммингов и китов) возможность выбора смерти как ценности, превосходящей все земные блага.

Отдельные проявления «культуры смерти» мы можем наблюдать и сегодня, причем не только на территориях Глубокого Юга, но в благополучных странах Севера: Швейцарии, Канаде... Наиболее простая форма этой культуры — эффективное самоубийство, более сложные культурные и социальные манифестации этой темной энергии деятельного небытия. А также некие химеричные ее аппликации, — скажем, продажа смерти. Или использование ее как ресурса для реализации определенных социальных конструкций, в том числе имеющих своеобразный метафизический контекст.

Вопрос (Ю.А. Красин):

Мой вопрос вытекает из сопоставления того, что мы имеем в докладе с названием нашего семинара. Вот гуманитарная наука и высшие ценности российского государства, даже не государственности, а государства. У меня вопрос:

это фигуральное название семинара — гуманитарная наука и высшие ценности нашей жизни? Если так, то тогда все понятно. Или все-таки имеется в виду российское государство с его очень грешными земными проблемами, которые недостойны внимания философов, витающих в самых высших абстракциях? Или мы найдем какой-то мост, пойдем не только со стороны абстрактных категорий, определяющих весь стиль мышления той или иной эпохи? Пойдем от грешной земли, от проблем, стоящих перед государством?

Ответ:

Я, собственно, с рассуждения на эту тему и начинал свое выступление, говоря о двух формулах миропознания и миростроительства. От общего к частному и наоборот. Конечно (но не безусловно), смысл нашего семинара в некотором его прикладном значении, в отыскании пути к перспективной методологии познания и действия, технологии принятия эффективных решений, которые можно было бы применить во благо государства Российского. Это, если можно так выразиться, «предельная задача» семинара.

Однако не думаю, что путь даже к частичной ее реализации лежит через редукцию. Поэтому в нашем проекте как идеал сопричастствуют две задачи — краткосрочная и долгосрочная. Краткосрочная выражается темой семинара. Долгосрочная, определяется сформулированной выше задачей.

Смысл данного интеллектуального комплекса, действующего под ярлыком «семинар», — создание полноценных предпосылок для ориентации не просто в изменившемся, но продолжающем меняться мире, причем в сторону усложнения и предельных перегрузок. Инновация, в том числе интеллектуальная, — это те же роды, процесс совсем не безболезненный и воспроизводящий при этом сложные коды трансформации.

Сегодня, в сущности, мы ведем разговор об основаниях. Об основаниях нового мира, многие аспекты которого нам неизвестны, но которые уже сегодня оказывают влияние на нашу жизнь и на среду обитания. Кажется, «философский

гарнир» в России имеет шанс перестать быть «вступлением» и «заключением» или «обрамлением» некоей конъюнктурной задачи. Но чтобы язык при этом не стал насквозь метафоричным, невнятным, фантазийным, нам приходится решать задачу, в чем-то схожую с той, которую в свое время и своих формах решали и решили удивительный народ — древние греки, создав качественно новый язык — специфический интеллектуальный аппарат для опознания мира: категории. В не столь уж отдаленные времена на эту роль претендовали математика или системный анализ, были (и есть) также иные претенденты. Разговор об основаниях, так или иначе, неизбежен в эпоху цивилизационного транзита, переживаемого человечеством. Как для того, чтобы утвердить новое, так и для того, чтобы, стряхнув накопившуюся пыль, подтвердить нечто, представляющееся нам вечным и неизменным основанием человеческого бытия.

Короче говоря, мы будем говорить об «идеале сущего» и «идеале должного», а также о внятных и конкретных реалиях, имеющих отношение к строительству государства, причем такого непростого государства — одновременно старого и нового — какой является Россия.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Принято считать, что в христианстве акцентирована эсхатологическая апокалиптическая парадигма. Христианство — это аспостасийная концепция времени. Следуя логике христианской аспостасии, современный мир есть отрицание христианского мира. Значит христианство без апокалипсиса — это по сути антихристианство. Хотелось бы уточнить Вашу позицию. Куда делся апокалипсис и почему все-таки современный мир трактуется Вами как христианский?

Ответ:

В христианстве мало догматики. Догматика сводится, по сути, к основным решениям Вселенских Соборов: трини-

тарному богословию, необходимому для уяснения смысла и основания бытия и христологии, определяющей смысл и цель человеческой жизни. На этом основано христианское дерзновение достижения *обо́жения* (стать по энергиям тем, чем Бог является по существу), окончательной, предельной для человека трансценденции, соединяющей данные человеку потенции творчества, любви и свободы в их наивысшем проявлении в этом товарном мире.

Подобное дерзновение из всех версий монотеизма присутствует лишь в христианстве. Монотеизм — основа совершенно особого взгляда на мир, дело, кажется, не только в единобожии, но в Творце, не имеющем генезиса, не являющемся порождением хаоса или любой иной субстанции, но, напротив, — творящем нечто из ничего. И статус человека, созданного по образу и подобию Творца, — это особый статус, предполагающий весьма высокое достоинство человеческой личности, обладающей способностями творить, любить и быть свободной в своем волеизъявлении. Но здесь же таится и вся бездна человеческой истории...

Конфессии можно классифицировать различным образом, в том числе и по их социальным следствиям. Политеизм, где хаос преобразуется в космос, а космос низвергнут в прежнее состояние, является, к примеру, метафизической основой для философии и социологии баланса, в то время как монотеизм Творца порождает личность, также обладающую способностью к творению. Отсюда дерзновение, которое разрушает ветхую систему запретов и традиций, ограничений и балансов, позволяя испытывать себя в добре и зле, свободно избирая и творя при этом собственную участь.

Есть в христианстве также уникальная особенность: понимание человека, отличное от других версий монотеизма — особое соединение Божественного и человеческого в Христе, дающее историческому человеку, ощущающему несовершенство и противоречивость своей природы, надежду и дерзновение. Здесь во многом причины наибо-

лее могучего цивилизационного импульса, известного нам из истории, со всеми издержками и достоинствами, даруемыми свободой. Более того, секулярность, столь часто связываемая с апостасийностью, также уникальное порождение именно христианской цивилизации, ее мировидением, ее пониманием свободы как онтологической ценности, несмотря на все сопутствующие ей издержки. Человек свободен, в том числе, и отвергнуть Бога, в иных системах подобная ситуация находится, как правило, под запретом. Здесь также, как мне представляется, коренятся истоки христианской эсхатологии. Собственно эсхатология не является уникальным христианским представлением. Учения о трагическом конце мира содержатся во многих религиозных системах. Откровение Иоанна Богослова также предвидит подобный конец для этой земли и этого неба.

Человек и человечество в какой-то момент делает фундаментальный выбор. Каждый выбирает свое прочтение свободы и порождаемых ею плодов, творя будущее, которое именно поэтому, по причине экзистенциальности и реальности выбора, остается туманным. Здесь мало догматичного, скорее, больше «теологуменичного». Этот вопрос достаточно темный.

Вопрос (В.П. Булдаков):

У меня чисто практический вопрос. Скажите, как четыре формы мышления распределялись во времени? Все мы сейчас находимся в четвертой стадии? Или, наоборот, нужно понимать так, что общество в ментальном смысле многослойно? Если так, то каким образом с четвертой, высшей стадии, перекинуть мостик к низшим стадиям?

Вопрос (Ю.А. Лукин):

Можно, я дополню вопрос. Как стадийность соотносится с ценностями? Есть три формы ценностей и четыре формы мышления. Как они соотносятся?

Ответ:

Синергичное мышление доступно человеку, но требует предельных усилий для его обретения — хотя бы в силу присущей ей апофатичности, преодоления ловушек антиномийности, обретения специфической персоналистичности — или обретения в силу иных особых качеств и обстоятельств. Хотя, случается, вспыхивает и как нечаянный дар. Но, во всяком случае, это далеко не всеобщее достояние, хотя и общая потенция. Да и другие формы мышления, действительно, сопresentствуют в человеческом обществе, а подчас и в одной личности: я упоминал суеверия — эту вполне влиятельную примесь у многих носителей, в общем-то, иного типа мышления.

Кроме того, на планете существуют разнообразные сообщества, сохраняющие, по крайней мере, существенные элементы архаичных форм мышления. О паталогических его формах я уже упоминал. Да и мышление *«третьего типа»* претерпевало некоторые внутренние исторические трансформации. Приведу один пример: изменение отношения к стреле времени — от понимания истории как движения от «золотого века» к «железному» (наследие циклического сознания), к идее прогресса, имеющей другие, в том числе ценностные, мотивации. Хотя, действительно, нынешнее общество *«в ментальном смысле многослойно»*. Подобная модификация *«третьей»* формы, кстати говоря, при всех издержках нынешнего состояния мира является все же доминирующей. Но, думаю, более подробное рассмотрение этого вопроса не является нашей сегодняшней задачей.

Что же касается соотношения форм мышления с определенным ценностным рядом, то они взаимосвязаны и взаимозависимы, но не в том соотношении, о котором Вы говорите. Тут важно не столько присутствие или отсутствие идеальных, социальных или биологических ценностей, сколько их характер. А кроме того, я уже говорил, что типы мышления и системы ценностей не исчерпываются

рассмотренным рядом, просто я отсек в своем рассуждении наиболее экзотичных представителей, в частности, как я уже говорил системы прямо негативного толка (упомянутый ранее выбор смерти а не жизни как целеполагания. В некоторых системах не только биологические но и социальные ценности оказываются транзитными, а идеальные претерпевают причудливые перверзии).

Вопрос (Ю.А. Лукин):

А у ребенка?

Ответ:

Да, соотношение филогенеза и онтогенеза всегда плодотворно. У ребенка можно достаточно четко выделить стадию освоения мира, когда он относительно неподвижен, ограничен в физической коммуникации (достаточно посмотреть на характер его «рисунков»); когда он освоил передвижение по миру и когда он обрел искусство рассуждения (лжи). Наконец, период, когда он задумывается над смыслом своего пребывания в мире. Тут есть определенные аналогии, правда, и здесь «четвертая» фаза имеет место далеко не у всех представителей рода человеческого.

Вопрос (В.В. Журавлев):

Возвращаясь к Вашему тезису о современном мире как о мире христианском и о различных истолкованиях христианских ценностей и идеалов, как Вы оцениваете нынешние движения в Великобритании, направленные на объединение католической и англиканской церквей? С точки зрения интересов католичество инициирует это объединение, это ясно. Им это выгодно ввести англиканскую церковь под руку Папы Римского. А вот на мировоззренческом уровне, как Вам видится возможность этого объединения на путях преодоления когда-то конфликтных, не совпадающих ценностей идеалов католичества и протестантизма. Не означает ли это стремление к унификации этих ценностей и идеалов

начало конца той самой христианской эры, о которой вы говорите?

Ответ:

Позвольте рассказать один житейский анекдот. Мой знакомый еще «в те баснословные года» защищал докторскую диссертацию на тему богатых и бедных наций. Он излагал то, что ему было знакомо, а когда пришло время вопросов, встал некто из весьма интеллектуальной организации и спросил, как соискатель относится к тезисам по данному вопросу некоего румынского социолога (далее следовали фамилия и название труда). Мой знакомый впервые слышал и эту фамилию, и название труда, но задумался он буквально на секунду, а затем произнес: *«Мы это отвергаем!»*.

Поймите меня правильно, я говорю это не потому, что не хочу отвечать на Ваш вопрос, а к тому, что семинар наш посвящен все-таки несколько иной тематике. Когда я говорил о христианской культуре, то имел в виду некоторые рамочные условия в пределах рассматриваемой темы, а тенденциям и феноменологии в области современной христианской культуры будет посвящен отдельный семинар. Но само стремление к диалогу, определение общих оснований в христианских конфессиях (тем более римско-католической, — чьи таинства признаются православными церквями и англиканской, в которой в последние годы происходит то, что принято определять как «неоднозначные процессы», но у которой из всех протестантских конфессий накоплен, кстати, наиболее солидный опыт диалога с РПЦ) ... Вряд ли именно это событие я стал бы выделять как рубежную веху, тем более *«конца христианского мира»*.

Реплика: *С позиции типов мышления?*

Современное мышление при всех издержках, о которых уже шла речь, — продукт христианской культуры. Христианский культурный круг пережил на протяжении двух тысячелетий различные версии и девиации, трансформиро-

валось и привнесенное христианством в мир мышление, в значительной степени размытое «аристотелизмом». Также и строительство *Universum Christianum* переживало различные состояния: гибель Восточного Рима, последствия Столетней войны, трансформацию западноевропейской культуры в культуру североатлантическую (а восточноевропейской — в культуру советскую) и, наконец, глобальную. При всех переживаемых испытаниях и модификациях современная культура, культура Модерна, все еще сохраняет на планете определенные позиции. Это, знаете ли, как некий вкус — скажем, вкус соли в том или ином подаваемом историей блюде. Пока этот привкус сохраняется, мы говорим: суп пересолен или недосолен, но этот суп все же соленый. Однако с какого-то момента суп может утратить это качество, став пресным.

В окружающем нас мире сохраняются скрепы прежней конструкции. И одновременно конструкция пребывает в движении. Основы прежней культуры, о чем уже говорилось, на протяжении всего XX в. (а в каком-то смысле и ранее) переживали определенный транзит. То есть, как я уже, кажется, сегодня говорил, для меня XX в. — это век транзита. Весьма важен и перелом, о котором шла речь — тот перелом, который совершился на рубеже 1960–1970 гг., когда мир пережил если и не перелом, то испытал некий цивилизационный сдвиг, связанный в том числе с утратой протестантской культурой прежних позиций. Возникло явление, которое на тот момент было названо контркультурой, а на практике означало мультикультурность и ренессанс для многих мировоззренческих кодов, в том числе и тех, которые казались уже забытыми. Одновременно распространение получали всевозможные версии ориентализма и квази-ориентализма, особенно в упаковках субкультуры New Age. В сущности, это не были коды восточных культур, более того, сами восточные культуры в XX в. как культуры элитные живут во многом по западным канонам. То есть какие-то существенные элементы западной ментальности и того,

что с нею связано, усвоены деятельной элитой данных обществ.

В мире, действительно, совершается серьезный перлом, который, в свою очередь, порождает тенденции фундаментализма, с одной стороны, и новой реформации, обновления, с другой. Наконец, активные позиции на планете занимает ислам. И т. д. Думаю, на наших заседаниях мы углубленно рассмотрим процессы, происходящие как в недрах христианской культуры, так и ислама.

Вопрос (В.М. Межуев):

Вы склонны к удивительно универсалистскому видению проблемы, и в то же время очень индивидуалистичному. У Вас огромное количество ссылок на факты, которыми Вы оперируете знаете в изобилии, но нет ссылок на теоретические источники. С чем вас сопоставить? Ваша периодизация, которую Вы предложили, очень интересна, что-то узнаваемо, что-то подразумевается, что-то спорно. Я вот сам не знаю, как в синергичное мышление попасть. Я боюсь, что застрял на предыдущей фразе. Скажите: на кого Вы ссылаетесь и в каком направлении работаете?

Ответ:

Плодотворной методологической основой социогуманитарных исследований во второй половине XX в. являлся системный анализ и трансдисциплинарный подход. Системный анализ был воспринят научным сообществом через работы Норберта Винера и Людвиг фон Берталанфи, но было это более полувека назад.

Следующей методологической ступенью стала системная динамика, развивавшаяся Джейм Форрестером и принципы работы Римского клуба, реализовавшего, наконец, идею трансдисциплинарного подхода и выдвинувшего три принципа, которыми руководствовался связанный с его деятельностью круг ученых и специалистов. Эти принципы: глобальность охвата, целостность подхода и долгосрочность

выстраиваемого подхода к оценке как состояния социального космоса, так и открывающихся перед ним перспектив. Отцами-основателями данной институции являются Аурелио Печчеи и Александр Кинг. Пожалуй, следует назвать также Эриха Янча с его концепцией «активного представления будущего».

Однако уже в те же годы формируется заметно иной подход к анализу сложных явлений и систем, обозначенный еще в 1960-е гг. Эдвардом Лоренцем и несколько в иной плоскости Ильей Пригожиным. Заметной вехой тут является основание в 1984 г. Института Санта Фе в Калифорнии под руководством Нобелевского лауреата Гелл-Манна, организации, работа которой непосредственно связана с изучением сложных и турбулентных систем.

Нынешний этап исследований сложных систем, и прежде всего социальных, заметно «антропологизируется», происходит процесс, в чем-то схожий с историей «неклассического наблюдателя» в исследованиях квантовых процессов в физике начала прошлого века.

Что касается работы нашего семинара, то не думаю, что нам следует организовывать работы, исходя из единой методологической позиции. Думаю, кроме всего прочего, это просто практически невозможно. Смысл нашей деятельности я вижу в откровенном, по возможности, профессиональном разговоре «на заданную тему». Каждое заседание основывается не просто на том или ином докладе и его обсуждении, но доклад представляет собой некую верхушку айсберга, т. е. предварительное исследование на заданную тему, а список тем составлен в определенном порядке, ориентированного на достижение, по возможности, целостного результата. Если угодно, это скорее инициация проекта, нежели собственно проект, применительно к актуальной ситуации.

Вы намекнули, что нам сложно будет разговаривать в рамках представленной методологии. Хорошо, что это прозвучало, поскольку, повторю еще раз, такая задача не

ставилась. Обращаться в диалоге следует к тем методологическим основаниям, которые каждый из участников считает для себя рабочими и которыми он уверенно владеет. В гуманитарных дисциплинах вряд ли у кого-то есть право на истину, но это не означает невозможности достижения серьезного результата.

Вопрос (А.С. Ахиезер):

Я присоединяюсь к тем вопросам, которые вращаются вокруг одного. Поскольку мы имеем в истории мышления некоторые модели, поскольку естественно, что все, в особенности профессиональные философы, хотя бы они этого или нет, сравнивают те модели, которые у них остались, с тем, что было. Первый вопрос. Ваша система — это имманентно развивающаяся логика, присущая, скажем, культуре или сознанию, или мышлению? Или это некоторый, неясно откуда взявшийся набор эмпирических логик, которые мы вообще объяснить не можем?

Ответ:

Пожалуй, мне стоит вернуться к предыдущему ответу но уже несколько под иным углом. В XX в. происходила активная индустриализация науки, развитие — в полном соответствии с заветами, соединявшего истину с полезностью, Френсиса Бекона — ее прикладного, технологического аспекта. Возникает новый тип исследовательского заведения: военно-промышленная лаборатория (в России — КБ, «шарашки», «закрытые города»), демонстрируя одновременно социальный потенциал подобных конструкций. В США процесс развивался в русле проектного подхода, наиболее яркие примеры здесь — «Манхэттенский проект» и впоследствии — проект «Аполлон»; в России таким стержнем стал Атомно-космический проект (а его социальной ипостасью — реформированная в ходе реализации проекта Академия наук, затем футуристический замысел «академических городков»).

За последние же лет семьдесят в мире сложилось трансдисциплинарное направление, связанное с исследованием сложных систем. Оно претерпело за это время несколько существенных трансформаций. Начальным этапом можно считать искусство проведения операций в ходе Второй мировой войны (хотя начало было положено гораздо более скромным исследованием малоформатных операций). Опыт работы, полученные результаты, созданная инфраструктура — все это вместе взятое хозяйство было претворено в культуру знаменитых «фабрик мысли», а также послужило стимулом для многочисленных исследований, проводившихся подчас одновременно, но обретавших особую актуальность в различные периоды и в рамках различных методологий. Главный объект исследовательской деятельности в «фабриках мысли» — алгоритм практического решения комплексной проблемы на основе отработанной в годы войны технологии исследования операций. Основная особенность подобных предприятий — связь исследовательского цикла с процессом принятия решений в сферах политики, военного планирования, бизнеса или крупных социальных инициатив. А подчас также решение задач семантического (смыслового) прикрытия или психологического программирования.

Вершиной 1940-х гг. стали работы Норберта Виннера, связанные с контролем над процессами и обменом информацией преимущественно в условиях закрытых систем. А в организационном отношении создание исследовательской корпорации «РЭНД».

Следующим этапом стало неизбежное продвижение к исследованию открытых систем, *организмов*. При этом изучается не только сама система, но также ее отношения с окружающей средой и следствия этого процесса. И здесь, конечно же, выделяется фигура фон Берталанфи. Собственно на этом этапе можно говорить о формировании системного анализа со всеми его плюсами и минусами.

Однако реальный переход к исследованию комплекса взаимодействия систем как между собой, так и с окружаю-

щей средой, связан с именем Джея Форрестера, Массачусетским технологическим институтом и созданной в 1960-е гг. системной динамикой, столь эффективно, сколь и эффективно использованной Римским клубом в знаменитом докладе «Пределы роста». Если все эти формы можно считать этапами развития в общем-то некоего единого подхода к методологии принятия эффективного решения, в сущности заменившего объект исследования на создание модели той или иной степени сложности и изучения вытекающих из этого искусственного объекта следствий, то следующий этап носил гораздо более сложный характер.

Собственно он чаще всего так и определяется: теория сложных систем (равно как и исследование нелинейных систем, хаососложность или теория самоорганизующейся критичности). Акцент при этом переносится с наиболее вероятных форм системной динамики на предельные (критические) состояния системы, переходы из одного качественного состояния в другое, возникающие турбулентности и девиации, а формула объекта и прогноз динамики опознаются во многом при помощи специфического инструментария — аттракторов. Подобные исследования послужили основой для изучения проблемы целенаправленной и результативной деятельности в условиях неопределенности.

В научный фундамент этого направления положены идеи и исследования Андрея Колмогорова и Якова Синая, Бориса Белоусова и Жаботинского, Ильи Пригожина и Алана Тьюринга, Рене Тома и Бенуа Мандельбро, Эдварда Лоренца и Митчелла Файгенбаума, Джеймса Йорке и Германа Хакена, Норманна Пакарда и Кристофера Лангтона, Мюррея Гелл-Манна и Пера Бака... А также других деятельных фигур в области нелинейности и самоорганизации, хаоса и критической сложности мира.

В настоящее время формируется новый методологический комплекс, который в значительно большей степени учитывает антропологический фактор, роль деятельной личности и общие условия реализации сложной и комп-

лексной программы, иначе говоря, ее целостную структуру, своеобразную генетику и связь с общими условиями бытия (телеологию).

Если подходить к этой же теме с философской точки зрения, то я бы выделил работу Франкфуртской школы и прежде всего «Негативную диалектику» Теодора Адорно, затем естественным образом вытекающую из подобной постановки вопроса проблему деконструкции и всю совокупность французского постструктурализма и опять-таки переход к проблемам возникающим в ходе исследований сверхсложных систем, открывающих новый горизонт, если так можно выразится, «апофатической философии», вновь возвращающейся на позиции своего рода «служанки богословия»...

Вместо поиска нисходящей фиксации существенных элементов реальности предпочтение отдается определению условий эффективной реализации процесса, создавая подчас вместо категориальных конструкций пространство действия, свободное от неизменных определений, но отрегулированное что называется *ad hoc* — т. е. для данного конкретного случая.

Вопрос (В.В. Аверьянов):

В первую очередь несогласие вызывают определенные нюансы в изложении синхронистической, как Вы ее называете, формы реализации мышления. Когда в качестве примера Вы приводите шумеро-аккадскую традицию, ее представление о прошлом, то на первый взгляд здесь никакой ментальной пропасти по отношению к более поздним формам мышления, в том числе и современной, не возникает. Будущее — оно и сегодня представляет собой определенную «тьму», оно неведомо и неясно в значительной степени даже для людей с большими провидческими способностями и прогностическими данными. Так что метафора движения вперед затылком звучит вполне современно. А с другой стороны, у шумеров тоже был миф о загробной жизни, в котором выра-

жалось представление о каком-то более отдаленном, пусть и трансцендентном будущем, будущем как космоса, так и конкретных душ.

Вообще описание тех или иных форм организации мышления требуют гораздо более точной детализации. Отвечая на последний из вопросов, как я понял, Вы раскрыли принципиальную свою ценностную установку, определив ее для себя как метафизику инновации. И это мне напоминает положения из книг Карла Поппера о том, что мы идем в темное будущее, но, тем не менее, идем туда уверенно. Поэтому я хотел бы спросить: для Вас источники этой инновационной природы общества действительно лежат в области конкретной метафизики, культурно и цивилизационно фундированной, или Вы находите эти источники в различных традициях и у разных культур?

Ответ:

Я услышал попутно два взаимоисключающих пожелания. С одной стороны, прозвучало, что ответ должен по длительности соответствовать вопросу, а с другой — что недостаточно была освещена синхронистичная форма мышления. Конечно, недостаточно. Потому что не это был основной предмет нашего сегодняшнего разговора. Но разница между этой формой мышления и мышлением современного человека поистине колоссальна.

Дело не в неизведанности и угрожающем или ином характере будущего, дело в хронотопе, положенном в основу сознания и соответствующей картины мира, когда будущее в нашем понимании и время, опять таки в нашем понимании, являются маргинальными и почти запретными категориями. Наиболее наглядный пример такого положения вещей — пожалуй также кинофильм, на этот раз более знаменитый, а именно «День сурка». Так что, действительно, проекции будущего ближе к нашему пониманию выносились за пределы мира, парадоксальным образом перемещаясь в мир мертвых, мир предков, т. е. опять-таки в прошлое.

Второй вопрос — весьма по существу. На него можно ответить коротко. Но сначала я бы уточнил одно понятие, связываемое с радикальной инновацией как таковой. Это понятие революции. Мы нередко понимаем революцию как исключительную и одновременно успешную новацию. И отсюда специфическое восприятие фразы: «Сир, это не бунт, это — революция». Смысл же, заложенный в этой фразе, был иной. Если вдуматься в смысл понятия *ре*-волюция, то поймем, быть может с долей удивления: *революция* буквально означает *поворот*, а не скачок куда-то. Другими словами, смысл описываемой этим понятием ситуации предполагается глубже, нежели «успешный бунт». И действительно, революция — это есть *обновления основ*. Линейное мышление ведет нас по пути упрощения и умножения слов, их небрежного употребления, и мы привыкли к стереотипу, что если новое, то обязательно нечто совершенно другое. Новое — это весьма сложная категория, которую можно развивать и как строительство совершенно оригинальной конструкции, и как обновление, восстановление порушенных основ.

Для меня источник истории лежит в области христианской метафизики, понуждающей человека к сотворению невозможного, т. е. к трансценденции своего естества вплоть до последних пределов. Другими словами, императив возрождения и преображения человека. Вот такая инноватика. Это невозможно падшей природе, но что невозможно человеку, то возможно Богу, из чего, в свою очередь, проистекает роль промысла в истории при определенном снисхождении к человеческой практике (определенной немощи) или, иначе говоря, икономии истории. И — синергия как тип мышления, как способ миропознания, как источник и указующий перст миростроительства.

В свое время христиане называли себя «новые люди», по латыни: *moderni*. А людей прежней, ветхой эпохи они определяли как предшествующих, т. е. людей, находящихся *anti*. Отсюда родилось и название всей предшествующей эпохи как Античности. Когда же свобода проявилась не только

как горизонт спасения (движения), а как новое состояние общества, оно предопределило выход на поверхность самых разных энергий, эти энергии создают различные сочетания, с которыми люди вынуждены сосуществовать и взаимодействовать.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Я задаю вопрос, потому что в наших практических выражениях, когда мы пытаемся спроектировать ту или иную государственную политику, пришли к пониманию, что вся эта акция должна начинаться с этого самого слова: «ценности». Во имя чего все остальное? И вот сегодня доклад меня подтолкнул к вопросу, на который я действительно не нахожу ответа. Существуют ли абсолютные ценности, как социо, так и био? И кому они тогда известны, кто носитель этого абсолютного знания, абсолютного мерил? Может, Богу, может, более высоким сущностям, которые мы можем предполагать, потому что наш грешный мир — не единственный. Либо это принципиально субъективная категория, отражение нашего нагло присвоенного права судить? О том, что ценно, что не ценно, например, в биопространстве? Продолжение рода — это ценность, которая мотивирует существование неодушевленного биологического, или это наше суждение о том? Может, есть какое-то другое суждение о том? Абсолютное или относительное. Нужно найти хотя бы одно или два выражения этих ценностей со словами «добро» или «зло».

Ответ:

Ценности — наиболее проблемное ристалище, ибо аргументы разума не играют здесь роли; тут состязаются сердца. Консенсус, впрочем, часто достигим, но, во-первых, как правило, это следствие ситуации и политики, а во-вторых, даже при этих условиях он достигим только, если не идти по вершкам. Диалог религий обычно нам это наглядно демонстрирует. Когда речь идет о поверхностном слое, ска-

жем, о «моральных ценностях», т. е. разговор не затрагивает или почти не затрагивает моральных основ (все-таки присутствует многоженство в исламе или, скажем, сексуальная магия Махатмы Ганди), то консенсус достигается по принципу: «Все хотят хорошего, а не плохого». Все хотят, «чтобы торжествовало добро, а не зло». Хотя порой стоит чуть отклониться в сторону — и выясняется, что добро и зло трактуются сторонами подчас весьма различным образом. Короче говоря, чем глубже и «профессиональнее», принципиальнее становится разговор, тем яснее и четче обрисовываются разногласия. Даже биологические ценности, не говоря уж о социальных, оказываются относительными. Финикийцы приносили собственных детей в жертву ужасным способом, и совершали они этот акт вроде бы не из-за принуждения: это была своего рода привилегия высшего сословия. Не говоря уже о крайностях: скажем, для одного мир — реальность, для другого — иллюзия. Или примеры традиционных ценностей, приводимые в докладе (человеческие жертвоприношения, ритуальный каннибализм и т. п.). Не говоря уже о затронутых на периферии сегодняшнего разговора ценностях «культуры смерти»...

Этот разговор не оторван от практики и весьма актуален. Примером может послужить такая проблема, как распространение ядерного оружия. Пока кнопка находилась в руках двух более-менее схожим образом культурно ориентированных врагов, их действия также были более-менее предсказуемы, когда же кнопка (кнопки) переходит в руки людей другой культурной ориентации, возникает вопрос новых культурных мотиваций. Так что проблемы соотношения ценностей и практики формирующейся на наших глазах мультикультурной галактики оказываются взаимосвязаны.

Но проблема заключается не только в традиционно понимаемой мультикультурности. Сложность (пост) современного мира определяется повышением градуса освобождения деятельной личности из под спуда прежних со-

циальных, религиозных, этических ограничений. Несмотря на распространение культуры массового общества, в мире происходит поразительный процесс интенсивной индивидуации. Мы зафиксировали свое внимание на процессе глобализации и универсализации, упустив, что одновременно в мире происходит не только глобализация, но и глобальная индивидуация. Деятельные индивиды и локальные сообщества выходят на сцену нового театра действий как неформальные, но активно играющие игроки, для которых у нас нередко нет ни «формы», ни названия команды...

Но молчание повисающее в воздухе в ответ на вопрос «что есть истина?», тревожит. Правители многонациональной империи думали, что представляют сугубую относительность его постановки и потому не ожидали ответа. Какой ответ услышим, в конце концов, мы?